

ОТ РЕДАКЦИИ

Ниже мы публикуем в дискуссионном порядке серию статей о народах Памира. Читатель легко убедится в том, что мнения авторов — А. С. Давыдова, с одной стороны, и остальных, с другой — об этнической принадлежности и происхождении коренного населения Горного Бадахшана резко расходятся. Вопрос ставится так: образуют ли памирцы не более чем периферийную часть таджикского этноса или же они представляют собой самостоятельные народы (хотя и родственные таджикам), обладающие собственными языками, самобытной культурой и специфическим этническим самосознанием. Промежуточное положение между этими двумя точками зрения занимает концепция Л. Ф. Моногаровой.

Подобные дискуссии имеют несомненную пользу как для развития этнологической теории, так и для постановки актуальных национально-политических проблем, для выяснения общественных функций этнографии в их решении. Публикуя материалы по памирскому вопросу, мы, кроме всего прочего, имеем в виду, что подобные «вопросы» существуют, возникают или могут возникнуть и в других регионах страны. Идеологическую подоплеку здесь составляет противостояние двух подходов к перспективам развития нашего многонационального государства: старого подхода, заключающегося в искусственном упрощении этнической структуры общества, и, условно говоря, нового подхода (в отечественной этнографии он во все времена был доминирующим), получившего дополнительный импульс в последние годы. Его смысл заключается в признании права на существование и развитие за всеми народами, большими и малыми, недопустимости грубого вмешательства в ход естественно-исторических процессов — будь то процессы этнической консолидации, интеграции, дивергенции или ассимиляции.

Дискуссия возникла достаточно спонтанно. Вряд ли ее невольный инициатор А. С. Давыдов рассчитывал, что его статья вызовет столь острую полемику. Редакция, однако, сочла необходимым предоставить возможность высказаться и другим специалистам: обсуждаемый вопрос слишком принципиален, чтобы оставить его без всестороннего и объективного анализа.

А. С. Давыдов

НЕ ОБОСНОВАННО, ЗАТО... ПУБЛИЦИСТИЧНО *

С. В. Чешко в статье «Время стирать „белые пятна“»¹ отмечает, что не все обстоит благополучно с соблюдением национальных прав народов страны, что не все они имеют равные возможности для развития собственных культур, что это касается даже некоторых народов, имеющих автономию, т. е. пользующихся определенными конституционными правами. В качестве одного из наиболее ярких тому примеров автор приводит длящуюся, по его мнению, уже несколько десятилетий историю с населением Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) Таджикской ССР.

С. В. Чешко пишет, что на территории ГБАО кроме таджиков и киргизов проживают так называемые памирские народы — шугнанцы, язгулемцы, рушанцы, ишкашимцы, ваханцы и др., представляющие собой особые этносы, обладающие собственной историей, сохраняющие родные языки, культурные традиции, этнические самосознание и самоназвания. Учет этнических и других особенностей памирских народов, считает С. В. Чешко, послужил основанием для создания в 1925 г. ГБАО. Однако, продолжает С. В. Чешко, начиная с переписи населения 1959 г., эти народы исчезли из официальных статистических сводок о населении страны. Руководство Таджикистана, утверждает С. В. Чешко, игнорировало их существование и успешно навязывало свою точку

* Статья публикуется в том виде, в каком она получена от автора.

зрения ЦСУ СССР. Аргументирует свою позицию руководство Таджикистана, пишет С. В. Чешко, вовсе не естественной ассимиляцией памирцев таджиками, а тем, что памирцы по своему происхождению — таджики, а их языки — не более чем диалекты таджикского языка.

Этнографы, заявляет С. В. Чешко, не раз доказывали несостоятельность этой «концепции», неоднократно ставили вопрос перед руководящими органами о необходимости восстановить истину и справедливость. Однако, сокрушается С. В. Чешко, положение ухудшается, активизировались сторонники отаджичивания памирцев, среди которых есть деятели от науки, есть и лица, претендующие на роль народных глашатаев. При этом, утверждает С. В. Чешко, применяется фальсификация исторических, этнографических, лингвистических данных, тенденциозное толкование исследований одних ученых и обвинение других в подстрекательстве к национализму, даже запугивание перспективой «второго Карабаха»².

То, что пишет С. В. Чешко относительно населения ГБАО, об отношении к нему руководства республики, о «деятелях от науки», которые направляют руководство республики на это дело, не может оставить равнодушным читателя, особенно заинтересованного. Все это, конечно же, вызывает чувство возмущения. Однако направление чувств читателей будет зависеть от их информированности по данному вопросу. Конечно, возмущение большинства, если не всех читателей «Советской этнографии», будет направлено против руководства Таджикистана и иже с ним «деятелей от науки». Все же у некоторых читателей могут возникнуть вопросы. Например, такой: зачем руководству Таджикистана искажать действительность и ставить себя в такое, мягко выражаясь, неловкое положение, ведь сейчас время гласности, рано или поздно ложь разоблачится. Но, допустим, как и полагается бюрократам, руководство республики близоруко. Вопрос другой: почему С. В. Чешко, затрагивая столь острую проблему, обвиняя руководство Таджикистана в нарушении прав части населения своей республики по столь серьезному вопросу, не обосновывает свои утверждения ссылкой на соответствующие источники, литературу. Сам С. В. Чешко в ГБАО не был, следовательно, он пользуется чьими-то данными, какими-то публикациями. Но чьими, какими? Хотя С. В. Чешко и не ссылается на источники своей информации, они нам известны, и мы ниже восполним это его «упущение».

Реальность этнического состава населения ГБАО такова³. Автономная область образована на территории правобережной части исторических областей Бадахшана и Дарваза и высокогорного плато Памира. Левобережная часть Бадахшана и Дарваза входит в состав Афганистана. Раздел этих исторических областей произошел по русско-английскому договору 1895 г., согласно которому сфера влияния этих держав устанавливалась по реке Пяндж — Амударья. Автономной области было присвоено название исторической области Бадахшан, и так как она охватывала горную часть последней, то вновь образованную автономную область назвали Горно-Бадахшанской. После присоединения этих территорий к России название Памир стало весьма популярным и оно распространилось фактически на всю ГБАО. В результате название ГБАО осталось как официальное, и сейчас вся область обычно называется просто Памиром, при этом настоящий Памир — Восточным Памиром, а Горный Бадахшан и Дарваз — Западным Памиром. Но само население до сих пор хорошо помнит историческое деление своей современной автономной области.

На Памире (Восточном) живет небольшое количество киргизов — тюркоязычное население, ведшее до Октябрьской революции кочевой образ жизни, а в Горном Бадахшане и Дарвазе — искони оседлое ираноязычное население. Одна часть этого ираноязычного населения говорит на западноиранском — таджикском языке, а другая — на соответствующих восточноиранских языках — язгулемском, рушанском, шугнанском, ишкашимском и ваханском. Носители язгулемского языка — жители исторического района исторической области Дарваз, а носители остальных восточноиранских языков — жители соот-

ветствующих (исторических) районов исторической области Бадахшан — Рушана, Шугнана, Ишкашима и Вахана. Язык населения исторической области Дарваз, кроме упомянутого его района Язгулем, — таджикский. Таджикским является и язык населения одного исторического района Горного Бадахшана — Горона, расположенного между Шугнаном и Ишкашимом. Исторический район Ишкашим на нашей советской стороне представлен только тремя кишлаками, население двух из них говорит по-таджикски.

Упомянутые пять групп населения ГБАО, употребляющие в качестве разговорного соответствующие восточноиранские языки, и названы С. В. Чешко «памирскими народами».

Теперь о том, таджики или нет эти «памирские народы».

подавляющее большинство таджиков говорит на западноиранском языке, который раньше назывался персидским (порси, форси), теперь — таджикским. Таджикский народ сложился на базе консолидации ряда народов, языки многих из них были восточноиранские — согдийский, бактрийский и др. После арабского завоевания (начало VIII в.), с распространением ислама, среди предков таджикского народа, особенно на восточной части его этнической территории, стал активно распространяться персидский (таджикский) язык. На западной части этнической территории таджикского народа таджикско-персидский язык существовал раньше. Так постепенно на этнической территории таджикского народа восточноиранские языки были вытеснены западноиранским языком, сложившимся на основе персидского, причем литературная форма этого языка сложилась в пределах этнической территории таджикского народа, и это было связано с консолидацией предков таджиков в единый народ, что произошло в IX—X вв. в государстве Саманидов⁴. Хотя ко времени завершения процесса формирования таджикского народа (IX—X вв.) таджикско-персидский язык и стал общенародным языком (языком литературы, государственного делопроизводства и т. д.), но разговорным — не сразу и не везде. До наших дней восточноиранские языки в качестве разговорных сохранились не только в верховьях Амударьи (ГБАО), но и в верховьях Зеравшана — в Ягнобе. Относительно ягнобского языка точно установлено, что он — диалект согдийского языка. О происхождении так называемых памирских языков в науке определенного заключения нет. Известный иранист И. М. Оранский пишет: «Можно полагать, что современные афганский, мунджанский и йидга, ваханский, ишкашимский с сангличским, языки шугнано-рушанской группы продолжают собой различные сакские и бактрийские диалекты, распространенные в древности на территории Восточного Туркестана и исторической Бактрии...»⁵.

Население ГБАО, сохранившее свои восточноиранские языки в качестве разговорных с глубокой древности наравне с другими таджиками стало пользоваться таджикско-персидским языком в качестве языка литературы, государственного делопроизводства и других сторон духовной жизни, а также как средством общения между носителями этих языков⁶.

О распространении таджикско-персидского языка среди интересующего нас населения в XIX — начале XX в. имеется большое количество свидетельств. Как отмечалось, современный таджикский язык назывался персидским. Известный таджиковед, этнограф и лингвист М. С. Андреев, отметив это обстоятельство, указывает, что население Горного Бадахшана, говорящее на восточноиранских языках, свои языки называет таджикским, а современный таджикский язык — персидским и говорящих на этом языке — «форсиабон», «форсигу», т. е. говорящими на персидском⁷.

А. Черкасов, секретарь Российского политического агентства в Бухаре, неоднократно бывавший в Горном Бадахшане в 1904—1905 гг., владел таджикско-персидским языком. «Общим языком (и родным для населения Горана) служит бадахшанский диалект персидского языка, которым свободно владеет девять десятых населения бекства, не исключая женщин и подростков. Тот же язык служит для письменных сношений: на нем изложены священные книги

таджиков, и все грамотные люди в Шугнани, Вахане и Рушане знакомы более или менее с классической персидской литературой»⁸.

Полковник генштаба Муханов: «Киргизы говорят на тюркском наречии, а таджики на местных — шугнанском, ваханском, ишкашимском, сильно друг от друга различающихся. Необходимость сношений последних между собой заставляет их прибегать к общепонятному до некоторой степени персидскому языку...»⁹.

Подполковник генштаба Эгерт: «Разговорный язык в Шугнани, Рушане и Орошоре одинаковый, но ваханское наречие сильно отличается от предыдущих. Общим языком и языком письменности для всех таджиков служит персидский»¹⁰.

А. Серебренников: «Кроме местного наречия, на котором жители ханства объясняются исключительно между собой, они говорят преимущественно на персидском языке»¹¹.

Известный лингвист И. И. Зарубин, побывавший в Горном Бадахшане впервые в 1914 г., пишет, что здесь путешественнику, знающему таджикский язык, переводчик не нужен, «так как по-таджикски говорят почти все горцы»¹².

Пожалуй, ярким показателем широкого распространения таджикско-персидского языка в Горном Бадахшане может служить наличие у населения области богатого фольклора на этом языке. А. Н. Болдырев, отметив, что средством общения между разноязычными горнобадахшанцами служит таджикский, пишет: «Отмеченное выше характерное двуязычие памирцев проявилось и в устном народном творчестве. Памирцы сказывают свои песни и прозу — сказки и поют предания на двух языках: родном (т. е. одном из памирских) и бадахшано-таджикском»¹³.

Горнобадахшанцы от остальных таджиков отличаются не только наличием своих особых разговорных языков, но и религией, о чем почему-то забыл сказать С. В. Чешко. Они, хотя, как и другие таджики, мусульмане, но исповедуют ислам исмаилитского толка, а остальные таджики — суннитского.

Такая ситуация, когда части народа имеют свои разговорные языки, отличаются религией, характерна не только для таджиков. Показательно, что, по подсчетам специалистов, в мире насчитывается до 5000 языков, а народов, с учетом и самых мелких племен, численностью в несколько десятков людей — от 2000 до 3000¹⁴. Факты языковой неоднородности народов мира широко известны и послужили основой выработки в этнографии положения, согласно которому при отсутствии единого разговорного языка признаком языковой общности народа служит наличие единого литературного языка¹⁵. Языковая ситуация у горнобадахшанцев вполне соответствует этому положению. Фактов религиозной неоднородности народов еще больше¹⁶, чем языковой.

В свете фактов языковой неоднородности народов в этнографии принято положение о том, что хотя язык и является важным этническим признаком, но не абсолютным¹⁷. Это положение еще больше относится к религии¹⁸.

В любом случае, независимо от языковой и религиозной однородности или разнообразия основным признаком принадлежности к одному народу является этническое самосознание и самоназвание¹⁹, — говоря проще, кем само себя осознает и называет данное население, к тому народу оно и относится. Следовательно, главным и единственным основанием, доказательством принадлежности горнобадахшанцев к таджикскому народу может служить признание этого ими самими.

О самоназвании горнобадахшанцев данные в литературе появляются еще в первой половине прошлого века. В 1837 г. английский разведчик и путешественник, исследователь капитан Вуд, первый из европейцев после Марко Поло посещает Вахан и от ваханцев узнает, что они сами себя называют таджиками²⁰. После Вуда ГБАО посещают многие русские и зарубежные военные, чиновники, путешественники, ученые. В публикациях многих из них освещается

и вопрос об этнической принадлежности горнобадахшанцев, и во всех случаях они называются таджиками. Таких свидетельств мною собрано более 50. Они приведены наряду с другими данными в подготовленной мною работе об этнической принадлежности горнобадахшанцев. Обычно эти авторы о горнобадахшанцах как о таджиках пишут как о само собой разумеющемся факте. Однако некоторые из них об этом пишут с удивлением. Например, упомянутый барон А. Черкасов: «Речные долины Западного Памира... На этом пространстве живет до 14 500 душ горцев, которые сами себя называют таджиками, хотя с таджиками наших среднеазиатских областей... ничего общего не имеют ни по религии, ни по языку, ни по обычаям»²¹.

Следует отметить, что и другие авторы, писавшие о горнобадахшанцах, как о таджиках, знали, что они отличаются от других таджиков своими разговорными языками и религией.

А. Г. Серебренников: «...ханства Шугнан, Рушан и Вахан населяют таджики, принадлежащие к племени арийскому, ведущие оседлый образ жизни»²². Подполковник Эгерт: «Население всей западной части Памиров состоит из таджиков»²³. Г. Е. Грум-Гржимайло: «Таджики составляют уже сплошное население областей Дарваза, Шугнана, Рошана, Каратегина...»²⁴. А. А. Бобринской: «В Средней Азии по верхнему течению Пянджа... приютились бедные общества горных таджиков: Вахан, Ишкашим, Горон, Шугнан и Рошан...»²⁵. «При этом,— пишет исследователь в другом месте,— часто говорили: мы такие же таджики, как и жители Дарваза... Вообще среди горцев заметили мы какое-то инстинктивное сознание об общих узах не то родства, не то культуры, связывающие их всех воедино»²⁶. А. Е. Снесарев: «Весь Памир подразделяется на две части — восточный, или киргизский, и западный, или таджикский... второй населен оседлыми таджиками, которых насчитывают около 17 000 душ обоего пола»²⁷. Н. Г. Маллицкий: «Припамирские таджики, говорящие на особых иранских наречиях, себя самих называют таджиками, а остальных таджиков, которые говорят на персидском языке, зовут „порси-гу“ (т. е. говорящие по-персидски)»²⁸.

Среди этнографов особое место в исследовании горнобадахшанцев принадлежит пионеру таджикской этнографии, самому авторитетному таджиковеду, члену-корреспонденту АН СССР М. С. Андрееву. М. С. Андреев, занимаясь в течение своей долгой и плодотворной жизни этнографией Средней Азии и сопредельных областей, особое внимание уделял таджикам. Главным объектом своих исследований ученый избирает Горный Бадахшан, считая, что здесь сохранились самые древние пласты таджикской культуры. Во всех своих публикациях М. С. Андреев горнобадахшанцев называет таджиками²⁹. Кроме этого, в архиве ученого сохранилась его неопубликованная работа «Самоопределение хуфцев»³⁰. В ней ученый приводит свои многолетние (1901—1943 гг.) наблюдения и исследования по вопросу о самоопределении горнобадахшанцев. Излагая свидетельства жителей всех районов Горного Бадахшана, М. С. Андреев заключает: «Это старое самоопределение жителей верховьев Пянджа как „таджик“ нужно принять во внимание и с этим считаться. Действительно, и исторически, и в языковом отношении они таджики».

С. В. Чешко пишет: «Учет этнических особенностей памирских народов, а также особенностей их социально-экономического развития, собственно, и послужил основанием для создания в 1925 г. ГБАО»³¹. Однако для подтверждения столь категоричного ответственного заявления С. В. Чешко ни на какие документы или исследования не ссылается. А документы и исследования по этому вопросу не подтверждают его заявление.

В инструкции, которой была снабжена первая организация Советской власти на этой земле — Военно-политическая тройка, сказано: «Поскольку население Памира неоднородно (Восточный Памир — киргизы, Западный — таджики), поэтому метод для подхода к населению будет различный»³². Из постановления Ревкома Таджикской АССР от 26 апреля 1925 г.: «Считать Памир,

населенный киргизами, и Горный Бадахшан, населенный таджиками, отходящими к территории Таджикистана»³³.

Юрист Л. М. Энтин, первым исследовавший вопрос об образовании ГБАО, пишет: «Основную массу населения края составляют таджики (лишь на Восточном Памире, где население крайне незначительно, проживают киргизы). Однако исторические особенности и естественные условия жизни горных таджиков с течением веков привели к образованию в различных районах Памира этнических групп (шугнанцы, рушанцы и др.), отличающихся определенными особенностями быта и языка... Создание автономного образования делало Советскую власть наиболее доступной и понятной для коренного населения, позволило привлечь широкие трудовые массы к управлению своими собственными делами. В то же время тот факт, что этнические группы населения, проживающие на Памире, принадлежали к таджикам, делало необходимым и обусловило включение ГБАО в состав ТаджАССР, а затем, в 1929 г., в состав Таджикской ССР»³⁴.

В последние десятилетия образованию ГБАО посвящено большое количество публикаций, в которых обосновывается и развивается точка зрения Л. М. Энтина³⁵.

С. В. Чешко сокрушается, что начиная с переписи 1959 г. «памирские народы» исчезли из официальных статистических сводок о населении страны. Такое утверждение предполагает, что до 1959 г. рассматриваемое население во время переписей фиксировалось не как таджики, а как ряд самостоятельных народов. Опять же С. В. Чешко делает это заявление бездоказательно.

Территория ГБАО впервые переписью была охвачена в 1917 г. По материалам этой переписи, «Западной Памир делится на 5 оседлых таджикских волостей...»³⁶, и далее перечисляются Вахан, Ишкашим, Шугнан и Рушан. Переписи в ГБАО проводились в 1924³⁷ и 1925³⁸ гг. — результаты те же.

В материалах переписи 1926 г. в сводной таблице VI — «Население по родности, родному языку» указано количество носителей только язгулемского языка. Названия всех языков горнобадахшанцев перечислены в алфавитном списке языков. Однако ни носители язгулемского, ни других горнобадахшанских языков не выделены как этнические единицы³⁹. В другом выпуске материалов переписи 1926 г. Горный Бадахшан (Западный Памир) назван в числе горных долин, сплошь заселенных таджиками⁴⁰.

Издания с материалами переписей 1939 и 1959 гг. мне найти не удалось. А. К. Писарчик, имевшая возможность ознакомиться с материалами этих переписей, сообщает о численности горнобадахшанцев по количеству лиц, назвавших во время этих переписей родным один из горнобадахшанских (памирских) языков⁴¹. Эти данные А. К. Писарчик приводит Л. Ф. Моногарова⁴². Таким образом, вопреки утверждению С. В. Чешко, никакого «исчезновения» из официальных статистических сводок «памирских народов» не происходило. Другое дело, что их языки после переписи 1959 г. не стали фиксироваться. Это искажение действительности.

Возникает вопрос: имеются убедительные факты, свидетельствующие о том, что горнобадахшанцы — таджики, тогда на каком основании С. В. Чешко без тени сомнения отрицает это, объявляет их самостоятельными народами, обвиняет руководство республики Таджикистан в искажении исторической действительности, в нарушении права этих «народов» на существование?

Этнографические особенности горнобадахшанцев: наличие у них своих разговорных языков, их отличие в религии от других таджиков на фоне земляческого самосознания (по области и району), что широко распространено среди таджиков вообще, — породили сомнения относительно их этнической принадлежности. Сомнения эти стали возникать в связи с переселением значительного количества горнобадахшанцев в другие районы республики. Поэтому в Душанбе, где их больше, чем в других местах, наблюдается пик этих сомнений. Земляческое самосознание и местничество со временем эти сомнения превратили

в преубеждения. Отвратительное явление — местничество по отношению к горнобадахшанцам стало проявляться в сочетании с заблуждением, что люди разной религии, особенно говорящие на разных языках, не могут принадлежать к одному народу. Вот, в числе прочего, и стали упрекать горнобадахшанцев, что они не таджики. И среди самих горнобадахшанцев нашлись «гордецы», которые стали утверждать: «мы — не таджики!» «Гордецы» — в основном представители интеллигенции, особенно активная их часть. Один из активных «гордецов» на мой вопрос, кем он себя считает, ответил: «Те, кто живут там (в ГБАО), они себя считают таджиками, а мы, живущие в Душанбе, себя таджиками не считаем!» И такие «гордецы» полны решимости добиться, чтобы и живущие «там» тоже не считали себя таджиками. Они пишут в местные и центральные газеты, обращаются во все инстанции, добиваясь «правды». При этом они пишут не только сами, но подбивают к этому и других. Среди активных «гордецов» есть люди со степенями, имеют «благожелателей» в соответствующих институтах республиканской и союзной академий. Вот эти активные «гордецы» составляют одну категорию информаторов С. В. Чешко.

Пользовался С. В. Чешко публикациями и непосредственной консультацией «специалистов» в области созданной ими самими «проблемы» этнической принадлежности горнобадахшанцев. Среди них пальма первенства принадлежит Л. Ф. Моногаровой, которая с 1947 г. в ГБАО ведет полевые работы. Уже в первой своей публикации, вышедшей в 1949 г.⁴³, она объявляет, правда мимоходом, население ГБАО народами. С тех пор Л. Ф. Моногарова опубликовала одну книгу и более 10 статей, во всех них утверждается это положение. Обосновывает свое мнение Л. Ф. Моногарова, указывая на отличие горнобадахшанцев от других таджиков в религии, на наличие у них своих языков. Конечно, она в курсе теоретических положений этнографии и признает, что главным признаком для определения этнической принадлежности является самосознание населения — то, кем оно себя считает. Но в этом важном принципиальном вопросе — в вопросе, кем сами себя считают и называют горнобадахшанцы, Л. Ф. Моногарова идет на искажение действительности. Она в своих работах приводит только самоназвания горнобадахшанцев по районам — шугнанец, рушанец и т. д. — и утверждает, что до середины XX в. такова была единственная форма их этнического самоназвания, что они до этого времени себя таджиками не считали и не называли и только в последние десятилетия, утверждает Л. Ф. Моногарова, в результате ассимиляции они стали называть себя памирскими таджиками⁴⁴.

С. В. Чешко упрекает считающих горнобадахшанцев таджиками в том, что они, искажая действительность, объявляют языки этого населения диалектами таджикского языка. К сожалению, у нас имеются такие «теоретики». Но интересно другое. Как я понял из разговора с С. И. Бруком и из контекста статьи С. В. Чешко, такова позиция и руководства нашей республики. Конечно, в ЦК могут работать и не лингвисты, и не этнографы. Как мне представляется, наш ЦК при составлении ответа на упомянутое письмо обращался в соответствующие институты нашей академии. Если так и было, следовательно, кто-то ввел в заблуждение руководство республики, конечно, не без умысла.

С. В. Чешко пишет, что происходит естественная ассимиляция «памирских народов» таджиками, что, по оценкам специалистов, уже практически ассимилировался один из них — ванчцы. Опять он не называет свой источник. Мне известно, что такое утверждение принадлежит только Л. Ф. Моногаровой⁴⁵.

Действительно, И. И. Зарубиным⁴⁶ и М. С. Андреевым⁴⁷ в Ванче было записано предание о существовании там раньше старого языка, им удалось зафиксировать несколько слов этого языка. Наличие когда-то у ванчцев своего старого языка — факт вполне естественный. Уже отмечалось, что завершение формирования таджикского народа сопровождалось распространением на его этнической территории таджикско-персидского языка и вытеснением на значительной части этой территории восточноиранских языков. Если смену ванчцами

своего старого языка новым, таджикско-персидским считать ассимиляцией, то логично надо будет признать результатом ассимиляции само формирование таджикского народа. Но специалисты единодушны в том, что распространение таджикско-персидского языка на этнической территории таджиков не сопровождалось сколько-нибудь значительным переселением его носителей, тем более проникновением их культурного влияния⁴⁸.

Таким образом, как и полагается, искажение частного искажает целое. В данном случае искажение этногенеза и этнической принадлежности части таджикского народа искажает этногенез всего народа.

Примечания

- ¹ Чешко С. В. Время стирать «белые пятна» // Сов. этнография. 1988. № 6. С. 3—15.
- ² Там же. С. 5—6.
- ³ Автором подготовлена работа «Об этнической принадлежности горнобадахшанцев» (ответственные редакторы А. Я. Вишневецкий и Р. М. Масов). Здесь кратко излагаются некоторые основные факты и положения этой работы.
- ⁴ Лившиц В. А. Иранские языки народов Средней Азии // Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 1. М., 1962. С. 146—147.
- ⁵ Оранский И. М. Иранские языки в историческом освещении. М., 1979. С. 192.
- ⁶ Бертельс А. Е., Бакоев М. Алфавитный каталог рукописей, обнаруженных в ГБАО экспедицией 1959—1963 гг. М., 1967. С. 8; Хабибов А. Чанд шоири номаълуми Бадахшон // Помиршиноси. Масъалаҳои филология. Душанбе, 1975. С. 133.
- ⁷ Андреев М. С. О таджикском языке настоящего времени // Материалы по истории таджиков и Таджикистана. Сталинабад, 1945. С. 56—70.
- ⁸ См. Халфин Н. А. Россия и Бухарский эмират на Западном Памире. М., 1975. Приложения, № 5. С. 109—110.
- ⁹ Муханов. Военно-стратегическое описание Туркестанского военного округа. Памирский район. Ташкент, 1912. С. 38.
- ¹⁰ Эгерт. Очерк Памиров // Сборник материалов по Азии. Вып. 76. СПб, 1902. С. 18.
- ¹¹ Серебренников А. Очерк Памира // Военный сборник, год 42-й. 1889. № 10. С. 458.
- ¹² Зарубин И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга // Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. V. Вып. 1. Пг., 1918. С. 229.
- ¹³ Болдырев А. Н. Предисловие // Сказки народов Памира. М., 1976. С. 7.
- ¹⁴ Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1981. С. 89.
- ¹⁵ Козлов В. И. Динамика численности народов. М., 1969. С. 27.
- ¹⁶ Пучков П. И. Современная география религий. М., 1975; Шпажников Г. А. Религии стран Западной Азии. М., 1976 и другие работы этого автора.
- ¹⁷ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 57; его же. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 19.
- ¹⁸ Пучков П. И. Указ. раб. С. 176; Козлов В. И. Этнос и культура // Сов. этнография. 1979. № 3. С. 78.
- ¹⁹ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. С. 24—25.
- ²⁰ См.: Юль Генри. Очерк географии и истории верховьев Аму-Дарьи. Пер. с англ. О. А. Федченко, с дополнениями и примечаниями А. П. Федченко, Н. В. Ханькова и Г. Юля. СПб., 1873. С. 102.
- ²¹ См.: Халфин Н. А. Указ. раб. Приложения. С. 109.
- ²² Серебренников А. Г. Указ. раб. С. 447.
- ²³ Эгерт, подполковник генштаба. Памиры // Сборник материалов по Азии. Вып. 56. 1894. С. 13.
- ²⁴ Грум-Гржимайло Г. Е. Очерки припамирских стран // Изв. Императорского Русского географического общества. Т. 22. СПб., 1896. С. 101.
- ²⁵ Бобринский А. А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкшимцы). Очерки быта. М., 1908. С. 1.
- ²⁶ Там же. С. 46.
- ²⁷ Снесарев А. Е. Религия и обычаи горцев Западного Памира // Туркестанские ведомости. 1904. № 89.
- ²⁸ Малицкий Н. Г. Учебное пособие по географии Таджикистана. Ташкент; Самарканд, 1929. С. 52.
- ²⁹ Андреев М. С. Таджики долины Хуф. Вып. 1. Сталинабад, 1953. С. 13.
- ³⁰ Данная статья хранится в архиве М. С. Андреева (6 страниц машинописи). Знакомству с этой статьей я обязан А. К. Писарчик.
- ³¹ Чешко С. В. Указ. раб. С. 5.
- ³² Назаршоев М. Н. Партийная организация Памира в борьбе за социализм и коммунизм. Душанбе, 1970. С. 34.
- ³³ Фаньян Д. К. К истории советского строительства в Таджикистане. Сборник документов. Сталинабад, 1941. С. 36.

